ISSN:2828-6235
Impact factor:13.77

International Journal of Literature and Language Studies(IJLLS)

Сказка как форма отражения национальной культуры

Чжао Юйцзе
магистрант, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Узбекистан,
lily200011010@gmail.com
Научный руководитель: д.ф.н., профессор
Джуманова Дильбар Рахимовна
doi:https://doi.org/10.5281/zenodo.23915874

Аннотация. В статье рассматривается русская народная сказка как словесная модель культуры, в которой закрепляются способы оценки пространства, труда, обмена и справедливости. Материалом служат тексты из академического трехтомного собрания А. Н. Афанасьева; в фокусе находятся сказки «Морозко», «Каша из топора», «Лиса и журавль», «Колобок», «Сивка-бурка» и «Иван-царевич и Серый волк». Структурно-семиотический и лингвокультурный анализ позволяет разграничить устойчивую композиционную схему и ее ценностное наполнение. Показано, что этнический менталитет в сказке следует понимать не как психологическое свойство народа, а как реконструируемую из текста систему культурных установок. Ее образуют ценность дома и пути, этика взаимности, настороженность к неправедному присвоению и предпочтение смекалки прямому превосходству.
Ключевые слова: русская народная сказка, национальная культура, этнический менталитет, лингвокультурный анализ, фольклорная семиотика.

The Fairy Tale as a Form of Reflecting National Culture

Zhao Yujie
Master's student, Uzbek State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan,
lily200011010@gmail.com
doi:https://doi.org/10.5281/zenodo.23915874

Abstract. This article examines the Russian folk tale as a verbal model of culture, within which ways of assessing space, labour, exchange and justice are embedded. The material consists of texts from A. N. Afanas'ev's three-volume academic collection; the focus is on the tales 'Morozko', 'Porridge from an Axe', 'The Fox and the Crane', 'Kolobok', 'Sivka-Burka' and 'Ivan Tsarevich and the Grey Wolf'. Structural-semiotic and linguocultural analysis enables us to distinguish between a consistent compositional pattern and its value-based content. It is demonstrated that the ethnic mentality in a fairy tale should be understood not as a psychological trait of a people, but as a system of cultural attitudes that can be reconstructed from the text. It is formed by the values of home and the journey, the ethics of reciprocity, wariness of unjust appropriation, and a preference for resourcefulness over outright superiority.
Keywords: Russian folk tale, national culture, ethnic mentality, linguocultural analysis, folklore semiotics.

Введение. Русская народная сказка одновременно принадлежит международному фонду сюжетов и сохраняет локально узнаваемые способы говорить о должном. Поэтому она удобна для исследования национальной культуры, если не сводить культуру к набору неизменных «черт характера». Под этническим менталитетом понимается не психологическая характеристика носителей традиции, а совокупность ценностных различений, которые текст делает значимыми: свое и чужое, справедливое и неправедное, труд и праздность, дом и чужая сторона. Такой подход позволяет рассматривать сказку как механизм культурной памяти, а не как прямое свидетельство о реальном поведении людей.

В исследовании национальных образов мира Г. Д. Гачев предлагает читать язык, быт и словесность как взаимосвязанные формы культурной логики [Гачев 1988]. Для сказки эта перспектива особенно продуктивна: ее фантастичность не отменяет социальной и аксиологической определенности. Волшебный помощник, лес, печь, дорога или царский двор в фольклорном тексте не являются этнографической фотографией, однако организуют оценку действия. Цель статьи — выявить, какими сюжетными, предметными и речевыми средствами русская народная сказка репрезентирует культурно значимые установки. Задачи состоят в разграничении композиционной схемы и ее ценностного наполнения, в анализе пространственных и предметных кодов, а также в сопоставлении моделей обмена и речевой оценки.

Материал и методика. Материал исследования составляют шесть сказок из трехтомного академического издания «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» [Афанасьев 1984–1985]. Отбор объединяет волшебные, бытовые и кумулятивные тексты, поэтому выводы относятся не к одной жанровой разновидности, а к повторяющимся способам смысловой организации. Анализ не претендует на описание всей русской традиции: он фиксирует тенденции данного корпуса и нуждается в дальнейшем расширении за счет региональных записей и вариантов.

Методика соединяет структурное описание с лингвокультурным чтением. Структурный уровень задается различением функций персонажей и конкретных исполнителей этих функций. В. Я. Пропп определял морфологию сказки как описание по составным частям и их отношениям к целому [Пропп 1969: 28]; постоянные величины сказки он связывал с действиями действующих лиц [Пропп 1969: 29–30]. Это различение мы используем как аналитический инструмент: повторяемая последовательность испытания, помощи, возврата и признания не объявляется национальной сама по себе. Национально маркированными рассматриваются те смыслы, которые возникают при выборе места действия, предмета, речевой формулы и способа вознаграждения.

Лингвокультурный уровень предполагает анализ номинаций, оценочных эпитетов, уменьшительных форм, формул приветствия и отказа, а также семантики бытовых предметов. В этнолингвистической перспективе слово и вещь включены в более широкую систему традиционных представлений [Толстой 1995]. Поэтому при интерпретации печи, хлеба, топора, коня или дороги учитывается не единичный символический «перевод», а их роль в конкретной ситуации выбора. Все последующие наблюдения над сюжетами являются собственным анализом текстов указанного корпуса.

Пространство и граница. Сказочное пространство строится через границу, а не через подробное описание ландшафта. Дом, двор и родительское жилище обозначают исходную точку признанного порядка; лес, поле, дорога, тридевятое царство и чужой двор — зону проверки этого порядка. Герой оказывается вне дома не просто потому, что сюжет требует движения: удаление делает видимыми нормы, которые в привычном пространстве не проговариваются. В «Морозко» уход девушки в зимний лес переводит ее из семейной иерархии в пространство испытания. Там социальная защита отсутствует, но вежливая речь, терпение и отказ от жалобы получают значение действия, меняющего исход ситуации.

Важно, что лес в таких текстах не сводится к образу абсолютного зла. Он опасен, потому что не гарантирует привычной меры и не признает семейного статуса героя, однако именно в нем возможны встреча с помощником, получение дара и восстановление справедливости. Эта двойственность не позволяет механически противопоставлять «свою» культуру и «чужую» природу. Лес — граница, на которой проверяется способность действовать по норме без внешнего контроля. В «Иване-царевиче и Сером волке» путь также открывает пространство риска, но одновременно создает союз героя с волком; верность договору оказывается важнее формального превосходства человека над животным.

Дом, напротив, выступает не только местом безопасности. В бытовых сказках именно внутри дома или на пороге дома обнаруживаются жадность, неумение делиться, ложная расчетливость. В «Каше из топора» хозяйка владеет припасами, но ее отказ от гостеприимства делает дом семантически «пустым». Солдат не разрушает хозяйство силой, а постепенно вовлекает хозяйку в приготовление еды. Тем самым сюжет возвращает дому его функцию: пространство становится своим не благодаря накоплению вещей, а благодаря возможности разделить пищу и вступить в обмен. Эта логика отличается от морализаторского тезиса «бедность лучше богатства»: осуждается не достаток как таковой, а его изоляция от взаимности.

Предметный мир и этика обмена. Предметы в сказке работают как сжатые модели отношений. Топор, из которого «варится» каша, не утрачивает своего обычного назначения, но временно становится поводом для разговора и совместного действия. Комический эффект строится на буквальном принятии невероятного рецепта; культурный смысл возникает из того, что доверие и участие шаг за шагом побеждают скупость. Аналитически существенна последовательность добавлений: крупа, масло, соль вводятся не как магические ингредиенты, а как обычные домашние припасы. Предметный ряд подчеркивает, что справедливость в сказке может быть восстановлена не наказанием, а переустройством ситуации обмена.

В «Лисе и журавле» трапеза также становится испытанием, но сюжет устроен иначе. Угощение, которое журавль не может съесть из плоской тарелки или лиса из узкого кувшина, только имитирует гостеприимство. Формально приглашение произнесено, однако практическое условие общения исключает гостя. Двукратная симметрия эпизодов показывает, что ответное действие журавля не создает новую норму, а зеркально обнаруживает уже совершенное нарушение. Сказка делает видимой разницу между словесным знаком щедрости и реальным предоставлением возможности участвовать в трапезе. Именно эта разница формирует один из культурных критериев оценки персонажа.

В волшебных сюжетах предметы и животные-помощники задают другую форму обмена. Конь в «Сивке-бурке» или волк в сказке об Иване-царевиче не являются платой за услугу в современном хозяйственном смысле. Их помощь основана на соблюдении слова, памяти о сделанном добре или принятии обязательства. Поэтому волшебное средство в русском сказочном корпусе часто оказывается не безличным ресурсом, а участником отношений. Сюжет не утверждает, что любой дар гарантирует успех: герой должен распорядиться им так, чтобы не разорвать связь помощи и ответности, что позволяет говорить о ценности верности как о текстовой норме, а не как о заранее приписанной «национальной черте».

Труд, испытание и справедливость. Сказочная справедливость редко совпадает с юридическим воздаянием. Она строится как восстановление нарушенной меры: трудящийся или терпящий герой получает признание, а тот, кто пытается присвоить результат без усилия, терпит неудачу. В «Морозко» параллельные судьбы двух девушек особенно наглядны. Их различие определяется не происхождением и не красотой, а речевым и поведенческим ответом на испытание. Скромность здесь не равна пассивности: она выражает способность удержать меру в ситуации страха и унижения. Напротив, требовательность второй героини маркирует претензию на дар без принятия условий встречи.

Этот тип развязки нельзя сводить к простому одобрению покорности. В ряде текстов герой добивается цели благодаря находчивости, нарушая ожидания сильного персонажа или находя нестандартный ход. Солдат в «Каше из топора» не обладает властью над хозяйкой, но умеет превратить ее скупость в повод для сотрудничества. Иван в волшебных сказках проходит испытания, поскольку слышит запрет, помнит наказ и отвечает на просьбу. Тем самым труд понимается шире физической работы: это умение совершать усилие, различать уместное и неуместное, быть ответственным за слово. Сказка соединяет практическую смекалку и нравственную проверку, не противопоставляя их.

Финальное вознаграждение — свадьба, возвращение, достаток или признание — имеет смысл не как индивидуальный выигрыш, а как включение героя в восстановленный порядок. В этом отношении композиционная устойчивость сказки важна для лингвокультурного анализа: одинаковое место функции в сюжете допускает разные ценностные акценты. Морфологическая повторяемость не отменяет культурной вариативности, а создает рамку, в которой она становится заметной. Поэтому исследование менталитета должно соотносить сюжетную структуру с конкретной семантикой испытания, дара и финала, а не выводить культурные обобщения из одного мотива.

Речевая оценочность и модели поведения. Формульная речь сказки выполняет больше, чем композиционную функцию. Начальные и конечные формулы создают дистанцию между повествовательным миром и повседневностью, но внутри сюжета формулы обращения, просьбы, согласия и отказа задают шкалу отношений. Уменьшительные формы, уважительные обращения и повторяющиеся просьбы не следует автоматически трактовать как знак «национальной мягкости»: их значение зависит от адресата и ситуации. Однако их частотная связь с эпизодами помощи показывает, что речевая корректность в сказке выступает условием узнавания героя как достойного поддержки.

Показателен контраст между прямой похвальбой и действенной компетентностью. В кумулятивной сказке «Колобок» герой многократно воспроизводит песенку о своем бегстве. Повтор сначала подтверждает ловкость, но затем превращает ее в уязвимость: неизменная самопрезентация делает Колобка предсказуемым для лисы. Здесь сказка не осуждает движение или смекалку сами по себе; она проверяет границу между уверенностью и самодовольством. Речевая формула становится механизмом саморазоблачения, потому что герой не способен изменить ее в новой коммуникативной ситуации.

Таким образом, речь в анализируемых текстах обладает практическим эффектом. Она может открывать путь к помощи, как в эпизодах вежливого ответа, поддерживать обман, как в ложном гостеприимстве, или фиксировать ошибку героя, как в песенке Колобка. Для репрезентации этнического менталитета это существенно: культурная установка проявляется не в отдельном слове, а в правилах уместного высказывания. Национально значимым оказывается связка «слово — поступок — последствие», которая многократно воспроизводится в разных сюжетах.

Сопоставление сюжетных групп. Сопоставление волшебных, бытовых и кумулятивных сказок показывает, что одни и те же ценностные различения реализуются разными средствами. В волшебной сказке проверка строится через переход границы и контакт с иным миром; в бытовой — через обычную ситуацию еды, труда или домашнего расчета; в кумулятивной — через повтор, который постепенно меняет оценку действия. Различаются масштабы и типы персонажей, но повторяется внимание к соразмерности: нельзя требовать дара, не принимая обязательства; нельзя приглашать, не давая возможности участвовать; нельзя рассчитывать на успех, не меняя поведения вместе с обстоятельствами.

Это сходство не доказывает существование единой и неизменной «русской ментальности». Оно позволяет описать устойчивый комплекс текстовых предпочтений в конкретной традиции и корпусе. Понятие национальной культуры оказывается здесь рабочим, если его употреблять в множественном и историческом смысле: сказка сохраняет не готовую формулу характера, а репертуар моделей, с помощью которых сообщество обсуждает справедливость, взаимность и границы своего мира. Такой вывод согласуется с подходом, в котором национальный образ мира понимается как связь природных, языковых и культурных координат, а не как биологически заданная сущность [Гачев 1988].

Заключение. Русская народная сказка отражает национальную культуру не через прямое описание обычаев, а через повторяющиеся способы оценивать действие. Анализ корпуса А. Н. Афанасьева выявил три взаимосвязанных уровня такой репрезентации. Пространственный уровень противопоставляет дом и путь как порядок и проверку порядка; предметный — показывает этику взаимности через пищу, орудия и дары; речевой — связывает достоинство героя с уместностью слова и готовностью отвечать за него. На всех уровнях значимы мера, гостеприимство, верность обязательству и смекалка, ограниченная нравственным требованием.

Полученные результаты уточняют тему репрезентации этнического менталитета: исследовательская задача состоит не в приписывании сказке готового национального характера, а в реконструкции культурных установок, закрепленных в сюжете, речи и вещном мире. Перспективой дальнейшей работы является сопоставление афанасьевского корпуса с региональными вариантами и с переводными сказочными традициями, что позволит проверить, какие наблюдаемые модели устойчивы для русской традиции, а какие связаны с жанром или редакционной историей конкретного собрания.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Москва: Наука. (1984–1985).
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: общие вопросы, русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский. Москва: Советский писатель. (1988).
3. Пропп В. Я. Морфология сказки. Москва: Наука. (1969).
4. Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва: Индрик. (1995).

References

1. Afanasyev, A. N. Russian Folk Tales by A. N. Afanasyev: in 3 vols. Moscow: Nauka. (1984–1985).
2. Gachev, G. D. National Worldviews: General Issues, Russian, Bulgarian, Kyrgyz, Georgian, Armenian. Moscow: Sovetsky Pisatel. (1988).
3. Propp, V. Ya. The Morphology of the Folktale. Moscow: Nauka. (1969).
4. Tolstoy, N.I. Language and Folk Culture: Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics. Moscow: Indrik. (1995).